

УДК 235.3

ИМЯ СВЯТОГО И ЕГО СЕМИОТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ЧОУ ВО Российская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург

Анализируется семиотическая структура агнионима. Авторы предлагают модель классификации агнионимов в соответствии со структурой и спецификой их использования в языке. В этой связи проясняют понятие структуры агнионима, их функционирование и прагматику в религиозном дискурсе. С этой целью использованы примеры и иллюстрации, относящиеся к маргинальным дискурсам русского православия.

Ключевые слова: *святой, почитание, имя, агнионим, церковь.*

Термин «агнионим», обозначающий в широком смысле – любое имя собственное, связанное со святостью, служащее для именованя лиц или объектов, на которых почивает благодать или святость через чин освящения или прославления [1, с. 51], а в узком – ритуализированное имя святого, нами понимается исключительно во втором значении. Это связано с тем, что расширительное толкование данного термина представляется нам непродуктивным в силу очевидной неэквивалентности концептов. Так или иначе, данный термин, ранее относительно редко используемый¹, в настоящее время начинает достаточно регулярно воспроизводиться в теологических, философских, филологических и религиоведческих исследованиях. Это связано не в последнюю очередь с ростом исследовательского интереса к изучению специфики религиозной концептосферы, поскольку функциональность агнионима обусловлена его связью с макроконцептом святой/святость [5, с. 119]. Сформировавшиеся в рамках соответствующей религиозной культуры, эти концепты не только являются лишь абстрактными ментальными структурами, проектирующимися в пространство семантики и семиотики, но конкретизируются религиозным сознанием в дискурсах религиозного культа в различных формах молитвы или самоидентификации в поле религиозных отношений. Это хорошо иллюстрируется официальной литургической практикой православия и католицизма (особенно католицизма традиционного), где святые распределены по четко расписанным группам, сопровождающимся агниотитулатурой, что соотносится с регулярными изменениями в богослужении. Так, при канонизации о. Максимилиана Кольбе возникал вопрос, к какому чину святых его надлежит относить. Факт насильственной смерти был налицо, но при этом он погиб в нацистском концлагере, добровольно заменив собою другого заключенного, т. е. не наличествовало внешне бесспорной смерти за веру. Богословские экспликации достаточно убедительно показали, что отстаивание актуальности христианских ценностей может считаться стоянием за веру. Кроме того, функциональность агнионима обеспечивает интерпретацию концептов святость/святой в пространстве

¹ При том, что он фиксируется в словаре русской ономастической терминологии 1978 г. (см. [7, с. 26]).

символической культуры, что делает возможным дискурс о святом [3, с. 224]. Весьма интересен и следующий культурологический факт: транссемиотизация агнионимов с превращением их в светскую, даже антицерковную и атеистическую титулатуру, вроде «мученик Джордано Бруно». На мемориальной доске, закрывающей самое первое захоронение праха в кремлевской стене имеется довольно пышная эпитафия с использованием и соответствующей лексики (стандартизовано оформление этих досок было позднее, равно как позднее им была придана обязательная лапидарность). Даже в случае такой транссемиотизации агнионим не покидает полностью соответствующее семиотическое пространство, создавая типичные для знаковых систем культуры диалогизм и полисемантическую.

Также мы считаем возможным различие агнионима официально-календарного и агнионима ситуативного, контекстуального. Последний возникает как результат предидеологизации святому различных титулатур, что обычно, например, для канона.

Агнионим, как и любой иной выбор имени является семиотизацией определенных установок, ценностей и предпочтений, поэтому и его семантическая структура может быть сложной и многоуровневой. На наш взгляд, это семиотическое перевыражение представлений об иерархическом устройстве творения. Иерархическое видение мира, присущее авраамическим религиям, стало рассматриваться как нечто самоочевидное, закрепившееся как в «привычной» тернарной модели «преисподняя – земной мир – Царство Божие», так и в классических текстах мирового искусства, например в «Божественной комедии» Данта (не случаен интерес о. Павла Флоренского к особенностям пространственной структуры, репрезентированной в этом тексте). «Разнствоование в славе» упоминается уже в Писании, причем это не единственное высказывание такого рода. Иерархию мира можно рассматривать как развертывание изначальной фундаментальной оппозиции «Творец – тварь». Эта оппозиция имеет одновременно и онтологический, и семиотический аспекты, ее дальнейшие усложнения и видоизменения суть и результат действий Бога, и попыток семиотического моделирования мира. Однако иерархизм складывается из более частных разновидностей. Агнионим перевыражает и семиотизирует по меньшей мере локализацию личности, наделенной святостью, в трех иерархических структурах:

1. онтологической;
2. экзистенциально-значимой для конкретного человека, уходящей в глубины индивидуального религиозного опыта (начиная с полунравного «этого святого люблю больше»);
3. ценностной – она отразилась уже на начальном этапе складывания агниологической иерархии, с выделения мучеников в особую, почти исключительную категорию.

На семантическом уровне это выражается в многозначности агнионимов. Например, в семантике лексемы «преподобный», часто входящей в состав сложных агнионимов, а иногда являющейся собственно агнионимом («поехали к Преподобному» в значении паломничества к мощам чтимого святого), содержится три основных значения, зафиксированных в исторических словарях: 1) чтущий закон, обычай; благочестивый; достойный // почтительный, выказывающий уважение (по отношению к родителям); 2) праведный, непорочный, соответствующий христианскому идеалу // эпитет монахов, при пострижении

в монастырь дающих обет вести аскетический образ жизни. В значении существительного: а) праведный, благочестивый человек; б) монах // эпитет монахов, аскетов-подвижников, канонизированных христианской церковью; 3) подобающий праведнику или праведности: чистый, неоскверненный (в ритуально-этическом смысле) [4, с. 72–73]. Это затрудняет классификацию агнионимов и даже способствует тому, что некоторые исследователи предлагают в принципе отказаться от попыток структурирования [2, с. 34], что нам представляется крайностью.

Интересна роль агнионима не только при выборе имени, но и при выборе самой личности святого, обычно для ситуативных или постоянных вопрошаний о молитвенном заступничестве. Это сложный процесс, куда входят и попытки сопоставить себя и свою жизнь с личностью и жизнью святого, сопоставить особенности жития с характером собственных нужд (порой с прямолинейными сопоставлениями вроде молитв к Иоанну Крестителю об избавлении от головной боли – этот святой был обезглавлен – или к мученику Власию об исцелении от болезни гортани – именно она была у него повреждена, что упоминается в житии). В некоторых случаях в качестве патронального святого предпочитают целенаправленно не брать святого с житием, которое кажется вопрошающему тяжелым, и возникает опасение, что опыт такой святости близок не будет и даже что выбор приведет к повторению житийно-биографического сюжета в жизни самого верующего. Мы полагаем, что наблюдения такого рода повлияли на написание книги о Павла Флоренского «Имена» – одного из спорных сочинений этого автора [8]. Во всех подобных случаях агнионим вместе с именем святого образует своего рода «заголовочный комплекс» к биографии-житию святого, независимо от того, имеется ли классический письменный текст или нет. Поскольку заголовок признается «свернутым текстом», то агнионим (и комплекс «агнионим-имя») концентрирует семантику жития и обладают набором прагматических эффектов. В конечном счете выбор святого для особого почитания соотносится с особенностями религиозного сознания и религиозного опыта личности. Отсюда проистекает такое явление, как массовое тяготение к святым определенной группы (со своим агнионимом), к выбору имен, образующих частотную группу (частотность сохраняется при этом в разные сроки, что требует отдельного исследования).

Именно поэтому культ «безымянного святого», в отличие от гражданского почитания безымянного, т. е. «неизвестного солдата», является агиологическим нонсенсом, а современные изображения «безымянных святых» на иконах новомучеников скорее являются метафорическим выражением идеи о том, что процесс канонизации новомучеников еще далек от завершения и многие святые ожидают прославления. Если «безымянный солдат» символизирует «массовость» военного подвига и тяжелые потери во время войн, что соответствует коннотативной референции этого символа, апеллирующей к идеологическим установкам – «воины – наши герои», то святость всегда личностна, индивидуальна и в идеале должна быть вне идеологий. Культ безымянных святых, распространенный на Русском Севере, скорее относится к народной религиозности, но и в этом случае агиографическое предание говорит о том, что такие анонимные святые в итоге чудесным образом открывают свои имена, на основе которых образуется их агнионим [6, с. 95–103]. В целом

это явление относится к феномену веры в «тайных праведников», имеющемуся и в иных авраамических религиях.

Следует заметить, что в определенных случаях возможно почитание святых под коллективным агионимом, который не включает личных имен святых, но является достаточно информативным для номинации и сепарации – например, Сорок Севастийских Мучеников, или личное имя, будучи хорошо известным, может опускаться – так, «Саровский Чудотворец», будучи своего рода краткой формой агионима, часто используется в дискурсах повседневности. Нужно упомянуть и о синонимических функциональных вариантах, стилистически различающихся; «Никола–Угодник», «Николай Чудотворец». Трудности возникают при частном почитании официально не прославленных людей, когда молящийся берет ответственность на себя. Характерно, что к имени часто стараются прибавить хотя бы что-то похожее на официально используемый агионим.

«Маргинальное православие» – данный термин нам представляется более предпочтительным, нежели «неканоническое православие», поскольку адепты маргинальных практик не всегда могут выявляться на основе лишь канонического фактора (феномен «сектантства в церкви» без формального образования неканонических экклезиальных или параэкклезиальных структур) – неизбежно формирует собственную концептосферу и в итоге ритуалосферу, поскольку обязательно вырабатывает собственные литургические маркеры. Последнее понятно в свете особого значения литургии в православной культуре: основные концепты ее рано или поздно получают литургическое выражение.

Таким образом, агиомастика маргинального православия может быть условно подразделена на две части – унаследованную от основной традиции (большинство почитаемых святых тождественно и в православном мейнстриме, и в маргинальных общностях) и собственных почитаемых святых, агионимы которых не представлены в месяцесловах церковью «мирового православия», но которые, тем не менее, почитаются в маргинальных обществах. Существуют и «пограничные варианты» – они имеют место тогда, когда культ как таковой наличествует, но агиологический статус не совпадает: так, например, Николай почитается представителями и православного мейнстрима, и его маргинальных ответвлений, но в первом случае агиологический статус определяется как страстотерпец, а в иных – как «царь-искупитель», «мученик», «великомученик от жидов убиенный» и т.д. Следует отметить, что зачастую агионимы представлены в вариантных формах, что свидетельствует как о неопределенности агиологического статуса, так и об отсутствии единой традиции номинации. При этом неопределенность агиологического статуса часто является следствием наличия нескольких оснований для почитания, часто основанных на данных неверифицируемого агиографического предания, различных апокрифах и т. п. Поэтому чисто легендарные предания о монашеском постриге и священническом рукоположении Г.Е. Распутина, якобы последовавших во время паломничества на Афон, принадлежности И.В. Сталина по крови к династии Романовых, «хриstopодражательности» подвига и подложности отречения Николая II и т. п. легко проектируются в агиологический статус и влияют на формирование агионима.

В результате этой вариативности, агионим, например, Николая II в дискурсах маргинального православия представлен следующими основными

вариантами (без учета различных форм тронного и личного имени в составе агионима):

Царь-Искупитель Николай,
Святой Царь-Искупитель Николай,
Святой Благоверный Царь-Искупитель Великомученик Николай,
Святой Царь-Мученик Николай,
Святой Искупитель Царь-Мученик Николай.

Вторая линия оказывается родственной ономастической практике нехристианских общин, где носители такого рода имен появляются еще в пределах своей земной жизни (ср.: титулатура Марии Дэвис Юсмалос Христос, возглавлявшей так называемое «Белое братство»).

На вопрос о том, что именно следует считать агионимом, далеко не всегда можно ответить однозначно. Это связано с тем, что помимо сравнительно несложных агиономастических типов, вроде уже упомянутых «Николай Угодник» и «Николай Чудотворец», в дискурсе фиксируются конструкции типа «Святой Благоверный Царь-Великомученик Николай Второй от жидов убиенный». Касательно приведенного примера актуальным представляется вопрос о том, следует ли рассматривать всю данную синтагму в качестве сложного агионима или же агионимом является только часть ее? Сложность усугубляется тем, что в ритуалосфере представлены молитвенные инвокации «Святой Благоверный Царь-Великомученик Николай Второй от жидов убиенный, моли Бога о нас!²», а данный формат инвокации традиционно апеллирует именно к агиониму. Возможным способом решения данной проблемы может быть выявление критериев агиономастики, к которым, как нам представляется, целесообразно отнести, помимо очевидных, – вхождение онима в религиозный дискурс, уникальность, регулярную воспроизводимость, достаточную степень устойчивости.

Практика свидетельствует о том, что четкая современная православная агиологическая терминология еще недостаточно структурирована, в ряде случаев подбор терминов, в т. ч. образующих агионимы, зависит от стихийно сложившейся традиции или даже предпочтений редакторов и корректоров разного рода церковных календарей, что не может не влиять на вариативность используемых агионимов. Поэтому следует констатировать, что в современной православной традиции агионим как таковой не тождественен номинации святого в рамках молитвенной инвокации, формату его имени в церковном календаре, надписании соответствующей иконы, агиографической концептосфере или бытовому повседневному общению. Строго говоря, все перечисленное может претендовать на агиономичность, если соблюдены критерии агиономастики. При необходимости более детального анализа агионима, в зависимости от специфики его функционирования, он может классифицироваться как агионим литургический, агиографический, бытовой, церковно-публицистический, или, при соотнесении с несколькими функциональными стилями, как общий.

В любом случае агионим является сложным онимом. Основными компонентами структуры агионима являются в различных сочетаниях следующие:

² Наблюдение авторов.

– «нетрадиционное» – нехристианское имя³, освященное подвигом данного святого (например, личное имя в составе агионимов князя Владимира и княгини Ольги)

- крещальное имя;
- маркер святости, (Святой);
- прозвище, фамилия;
- имя монарха, (например, Николай II, Иоанн Грозный);
- монашеское имя;
- топоним, экклезионим (напр. Московский, Муромский, Печерский, Афонский);
- иерархический сан, (напр. митрополит, архиепископ, патриарх);
- эпитет (например, Великий, Новый, Малый);
- этноним (например, Грек, Мурин, Сирий);
- соционим (например, Князь, Врач, Воин);
- маркер девственности, (Дева);
- маркер возраста (например, Отрок, Старец);
- маркер основного агиологического статуса, (мученик, святитель, апостол, пророк и т. д.);
- маркер факультативного агиологического статуса⁴;
- идентификатор обстоятельств подвига и (или) смерти (например, Постник, Столпник, Затворник, Убиенный, Железный Колпак и под.);
- иные идентификаторы и маркеры (например, Индикоплов, Двоеслов, Некнижный, Лествичник);
- народная календарная, погодная и аграрная ономастика (напр. Грядар, Рассадница, Гречишница, Громовник, Полузимница и проч.). Собственно к агиографии и агиологии зачастую никакого отношения не имеют, поскольку в большей степени соотносятся не со святым, а с днем его памяти, в настоящее время практически вышли из обихода.

Анализ структуры агионимов в дискурсах маргинального православия позволяет сделать предварительный вывод о том, что в зависимости от сложности структуры можно говорить о простых и сложных формах агионимов.

Так, агионимы типа «Царь-Искупитель Николай», «Святой Григорий Новый», «Святой Иоанн Грозный» и подобные являются краткими агионимами. Привнесение в состав агионима еще одного структурного элемента – например топонима, маркера экклезиального сана, маркера возраста и под. – еще не позволяет говорить о том, что перед нами сложный агионим. С точки зрения структуры нет принципиальной разницы между формой агионима «Святой Иоанн Грозный» и «Святой Царь Иоанн Грозный» или «Святой Старец Григорий Новый» и «Святой Григорий Распутин». Такие формы в принципе являются взаимозаменяемыми, они с примерно одинаковой частотой встречаются в дискурсах повседневности и ритуалосфере маргинального православия.

³ Речь идет именно о тех «языческих» именах, которые именно благодаря подвигу данного святого вносятся в христианскую ономастику.

⁴ В том случае, если в слове агиониме воспроизводится несколько агиологических статусов, первый как правило бывает основным, а все прочие – факультативными

Сложный агнионим формируется в результате комбинирования четырех и более компонентов, он является более торжественной формой, соответствующей особым формам ритуализированного поведения верующих, обращение к такой форме агнионима усиливает иллюкутивный эффект речи, поскольку произнесение сложного агнионима может рассматриваться как форма молитвенной инвокации.

Примерами сложного агнионима являются «Святой Мученик Григорий Распутин Новый, Пророк и Чудотворец» (формула агнионима: маркер святости – маркер основного агиологического статуса – крещальное имя – прозвище, фамилия – 1 маркер факультативного агиологического статуса – 2 маркер факультативного агиологического статуса), «Святой Благоверный Царь Великомученик Иоанн Грозный» (формула агнионима: маркер святости – эпитет – соционим – маркер агиологического статуса – крещальное имя & имя монарха) или «Святой Благоверный Царь-Искупитель Великомученик Николай» (формула агнионима: маркер святости – эпитет – соционим и маркер основного агиологического статуса – маркер факультативного агиологического статуса – крещальное имя). Подобные формы агнионима в определенной степени приближаются к нормам официальной титулатуры монархов, свойственной этикету некоторых монархий. В повседневности они обыкновенно не воспроизводятся, поэтому сам факт их воспроизведения тоже может рассматриваться как иллюкутивный акт, являющийся одновременно способом номинации монарха и формой его почитания.

Перлюкутивность сложного агнионима в семиосфере маргинальной религиозности может быть направлена как на апологетику культа святого в условиях, когда религиозный мейнстрим отвергает его святость, так и на сплочение группы его почитателей, для которых агнионим трансформируется в символ их экклезиальной исключительности (феномены различных «истинных» церковей по катакомбному паттерну). В этом случае чем сложнее структура агнионима, тем большей перлюкутивностью он обладает, поэтому включение в состав сложного агнионима Николая Второго идентификатора обстоятельств смерти/подвига «от жидов убиенный» можно рассматривать как выраженную манифестацию претензий на экклезиальную «супер-эксклюзивность» – «никто его не почитает так, как мы», имплицитное осуждение Московского патриархата, отвергнувшего миф о ритуальном убийстве царя, и попытку сплочения группы единоверцев вокруг святого – идеологема «царь-знамя» обретает новое социорелигиозное содержание.

Список литературы

1. Бугаева И.В. Святые имена в зеркале перевода // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2008. № 3. С. 51–62.
2. Грищенко А.И. Этнонимические прозвища святых в православном синаксаре: опыт статистического исследования // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Сер. 3: Филология. 2013. № 4. С. 21–39.
3. Губман Б.Л. В универсуме символического мира культуры // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 224–228.

4. Коренева Ю.В. Преподобный, подобный // Русская речь. 2010. № 5. С. 71–78.
5. Коренева Ю.В. Экклезионимы в житии преподобного старца // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сб. науч. труд. М.: Моск. гос. пед. ун-тет. 2015. С. 118–121.
6. Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
8. Флоренский П.А. Имена. М.: АСТ-Пресс, 2000. 448 с.

THE NAME OF HOLY MAN AND RELEVANT SEMIOTIC SPECIFICITY

V. You. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver

**Russian Christian Humanitarian Academy, Head of Department of Philosophy and Religious Studies, St. Petersburg

This article analyzes the semiotic structure of agionym. The authors developed a model of their classification according to structure and specificity of their using in the language. In this regard, the authors clarified the concept of structure of agionym, their functioning and pragmatics in the religious discourse. For this was taken examples and illustrations from the marginal discourse of Russian Greek Orthodoxy.

Keywords: *saint, veneration, name, agionym, church.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения ЧОУ ВО «Российской христианской гуманитарной академии», С.-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

LEBEDEV Vladimir Yurievich – Ph.D., Prof. of the Dept. of Sociology, Tver State University. Tver. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – Ph.D., Prof. of the Dept. of Philosophy and religious studies, Russian Christian Humanitarian Academy, Saint-Petersburg. E-mail: Alpril@mail.ru